

Оппозиционная редукция в системе английского местоимения

Александр В. Теренин^a, @, ID

^a Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Елабуга

@ Tteerenin@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6212-1073>

Поступила в редакцию 30.03.2020. Принята к печати 01.06.2020.

Аннотация: Рассмотрен потенциал английского местоимения или какой-то его формы принимать на себя функцию своего противочлена по той или иной оппозиции. Это явление обозначается в лингвистике терминами *оппозиционная редукция* и *оппозиционное замещение*. Будучи достаточно хорошо изученной в отношении глагола или существительного, оппозиционная редукция в системе местоимения лишь упоминается в научных работах. Это обстоятельство и побудило автора статьи заняться исследованием данной проблемы. Принимая за основу концепцию М. Я. Блоха, автор рассматривает несколько явлений, которые редуцируют ряд прономинальных оппозиций по категориям числа, рода, падежа, а также оппозиций по таким разрядам местоимений, как личное местоимение против возвратного и местоимения близкой против местоимения отдаленной референции. Цель – систематизация имеющихся сведений по проблеме и выявление разновидностей оппозиционной редукции по категориям местоимения. Дана историческая справка, где излагаются главные положения основополагающей теории и вкратце обобщается опыт исследователей в решении различных задач, связанных с оппозиционной редукцией. Главный используемый в статье метод – контекстуальный анализ. Предлагается описание каждого из видов оппозиционной редукции, иллюстрированное примерами из письменных источников различных жанров.

Ключевые слова: оппозиция, оппозиционное замещение, восходящее замещение, нисходящее замещение, нейтрализация, транспозиция

Для цитирования: Теренин А. В. Оппозиционная редукция в системе английского местоимения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 869–878. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-869-878>

Введение

Сегодня наименования *оппозиционное замещение* и *оппозиционная редукция* широко распространены в лингвистическом обиходе. Их используют для того, чтобы обозначить явление, суть которого состоит в способности одного члена языковой оппозиции выступать в качестве другого. Оппозиционное замещение является универсальным явлением. Оно распространяется на многие языки, а в границах каждого языка проявляется на всех уровнях его организации. Будучи всеохватывающим, оппозиционное замещение достаточно хорошо освещается в научной литературе, однако по этой же причине здесь остается много неизученного или не до конца раскрытого.

Предлагаемая статья ограничивает свой предмет системой английского местоимения. Это связано с тем, что явление оппозиционного замещения в данной сфере остается пока еще недостаточно освещенным. В принципе большинство явлений, рассматриваемых в настоящей работе, являются хорошо известными. Они довольно часто упоминаются в научной и прочей литературе. Однако их констатация как языковых фактов не является целью исследования. Автор ставил иную задачу, а именно систематизацию известных явлений и определение их места в теории оппозиционной редукции. Все это находит выражение в описании

рассматриваемых явлений и построении классификации видов и разновидностей оппозиционной редукции в системе английского местоимения. В этом и заключается новизна исследования.

Теоретические предпосылки исследования

Процессы, связанные с оппозиционным замещением, были впервые описаны Н. С. Трубецким. В его фонологии вводится понятие нейтрализации, которое означает стирание различий между двумя противопоставленными фонемами в определенных позициях [1]. В дальнейшем ученые установили, что нейтрализация в фонологии является частным понятием по отношению к более широкому, распространяющемуся также на морфологию, синтаксис и лексику.

Большая работа по изучению и описанию случаев нейтрализации была проделана в 1960–1970-е гг. Особая заслуга принадлежит И. Б. Хлебниковой, А. В. Бондарко и Е. И. Шендельс, в работах которых научно освещаются многочисленные явления нейтрализующего порядка в области английской [2], русской [3] и немецкой [4] морфологии. Следуя идеям Н. С. Трубецкого, ученые находили новые явления и вводили новые понятия.

В 1970-е и 1980-е гг. рассматриваемое явление получило и синтаксическое осмысление. Исследователи обратили

внимание на способность синтаксических единиц передавать несвойственные им синтаксические значения [5–8].

Результаты исследований в области морфологии и синтаксиса позволили по-иному осмыслить ряд явлений лексической семантики. В принципе лексико-семантическая нейтрализация являлась одним из приоритетных направлений в развитии стилистики и риторики с очень давних времен. Многочисленные и разнообразные переносы значений, реализуемые в метафоре, метонимии, иронии и других стилистических приемах, являются, по сути дела, транспозицией лексического значения. Однако до недавнего времени ученые не обращали внимания на тот факт, что все эти явления имеют природу, сходную с нейтрализацией в морфологии и синтаксисе. Определенную роль в новом осмыслении этих явлений, вероятно, сыграла стилистика Ю. М. Скребнева, в которой предложена принципиально новая классификация фигур речи и в которой выделяется ряд стилистических явлений, описанных с позиций лексико-семантического замещения [9].

Между тем вплоть до последних десятилетий XX в. теория оппозиционного замещения представляла собой совокупность индивидуальных и разбросанных по разным областям исследований. При этом часто вопросы оппозиционного замещения освещались лишь попутно как вспомогательное средство в решении иных исследовательских задач. Заслуга целостного осмысления данной проблемы принадлежит М. Я. Блоху, который свел имеющиеся сведения в единую и всеобъемлющую концепцию [10; 11].

Интерес к оппозиционной редукции сохраняется и в настоящее время. Последнее десятилетие отмечено исследованиями, которые трактуют вопросы оппозиционной редукции с самых разнообразных позиций. Весьма популярной является тема гендерной нейтрализации [12–16], что, очевидно, связано с набирающими силу феминистскими движениями в обществе и их требованиями освободить язык от андроцентризма. Интересные результаты удалось получить Е. С. Шерстнёвой [17], рассматривающей стилистическую нейтрализацию в субъективных представлениях переводчика. Не менее интересными являются наблюдения А. А. Шунейко и О. В. Чибисовой [18], убедительно показывающие, как происходят семантические сдвиги в лексических оппозициях на разных уровнях общения. Исследованы новые явления морфологической и морфосинтаксической природы [19–22]. Продолжаются исследования в области фонетической нейтрализации [23; 24].

Отметим попутно, что в ряде случаев исследователи отходят от классической интерпретации оппозиционного замещения и его разновидностей, однако это вполне естественно, поскольку любая теория находится в постоянном развитии, а все вносимые в нее поправки проверяются временем.

В классическом же понимании теория оппозиционного замещения может быть очерчена следующими тезисами. Суть этого явления состоит в способности одного

члена оппозиции выступать в значении другого. Например, глагол в настоящем времени может выражать будущее: *She is coming tomorrow*; вопросительная структура – обозначать просьбу: *Can you do me a favour?*; похвала – выражать упрек: *A fine friend, you are!* и т. д. Оппозиционное замещение имеет две разновидности: нейтрализацию и транспозицию. Нейтрализация освобождает замещающий член от его собственной функции, возлагая на него функции противочлена. Транспозиция частично оставляет функции замещающего члена при нем самом и наделяет его новой ролью, несвойственной ему в обычном языковом употреблении [11, с. 31–36].

Нейтрализация чаще осуществляется путем активизации слабого члена оппозиции, транспозиция – сильного; однако эта зависимость наблюдается не всегда. Замещение сильного члена слабым М. Я. Блох называет *нисходящим замещением*, обратное явление получило наименование *восходящее замещение*. Главное же отличие нейтрализации от транспозиции связано с различным уровнем экспрессивного потенциала каждого из этих явлений. Нейтрализация воспринимается как непреложный факт языкового употребления, не подлежащий оценке. Транспозиция же свидетельствует об интенции автора текста на определенный стилистический эффект [11, с. 93–96].

В целом же любая оппозиционная редукция отражает взаимоотношения глобальной языковой оппозиции, а именно оппозиции *система – узус*. Если языковая система навязывает коллективу употребление в речи той или иной формы, то узус стремится по возможности нарушить это предписание и при определенной совокупности прецедентов превращает нарушение в норму.

Методы и материалы

Исследование проводилось на основе письменных текстов различной жанровой принадлежности. Основными источниками являлись художественные тексты как совмещающие в себе широкое разнообразие композиционных и стилистических типов речи. Наряду с художественной прозой автор обращался к официальным текстам различного рода: документам, инструкциям, техническим описаниям. Все это диктовалось основным методом исследования, т. е. контекстуальным анализом, а также намерением автора отследить особенности функционирования той или иной языковой единицы в различных речевых условиях. В отдельных случаях автор обращался к элементам валентностного анализа, в частности при изучении функционирования указательных и возвратных местоимений. В общей сложности автор отработал около 2000 страниц англоязычного дискурса, не считая своего предшествующего опыта изучения текстов.

Описание оппозиционной редукции в системе местоимения, как и построение классификации, осуществлялось исходя из ярусного принципа. На нижнем ярусе известные формы и виды местоимений стоят в оппозиции друг к другу по категориям числа, рода и падежа. Средний ярус

предполагает оппозиции местоимений внутри одного класса. Наконец, на верхнем уровне членами оппозиций являются местоимения, принадлежащие различным классам.

Замещение по категории числа

Категория числа в системе английского местоимения представлена соответствующими оппозициями личных, притяжательных, возвратных и указательных местоимений. Между тем не все из противочленов и не всегда используются в языковой действительности в своих исконных значениях. В ряде случаев некоторые из них активизируют оппозиционную редукцию.

Одно из проявлений оппозиционной редукции по категории числа местоимений находит выражение в использовании *we* при его соотнесении лишь с одним персонажем. Английский язык демонстрирует несколько разновидностей данного явления.

Первая разновидность носит название «королевское *we*». Его суть заключается в использовании монархом личного местоимения *we* или притяжательного *our* в отношении собственной персоны. Данное явление является межязыковым. В английском языке его первое употребление приписывается королю Генриху II. При этом считается, что сам Генрих, употребляя *we*, вкладывал в него содержание *God and I*. Это содержание менялось в ходе истории, и сегодня оно включает несколько составляющих. Это и единение монарха с богом, и единение монарха с народом, и соотнесение монарха с несколькими титулами.

Но официальная оценка не может служить достаточно веским объяснением лингвистической сути того или иного языкового факта. Эту суть можно вскрыть, привлекая контекстуальный анализ речевых произведений монарших особ. Например, в прокламации Георга III, отрывок из которой приводится ниже, королевское *we* взаимодействует со своим синонимом *our royal person*, однозначно указывающим на то, что монарх не разделяет содержание местоимений *we* и *our* с кем бы то ни было.

(1) *And we do farther promise, that any person or persons ... other than such as were actually concerned in any act by which our royal person was immediately endangered shall receive our most gracious pardon ...*¹

Примером из новейшей истории является согласие королевы Елизаветы на бракосочетание ее внука принца Гарри.

(2) *Now know ye that We have consented and do by these Presents signify Our Consent to the contracting of Matrimony between Our Most Dearly Beloved Grandson Prince Henry Charles Albert David of Wales, K.C.V.O., and Rachel Meghan Markle*².

Нет сомнений в том, что Елизавета II выступает здесь от себя лично, как глава королевской семьи, решающая

вопрос, более никого не касающийся. К тому же капитализация местоимений *We* и *Our* в отличие от *we* (=you) говорит об их особом статусе.

Отметим, однако, что подбор иллюстраций для контекстуального анализа представляет собой непростую задачу, поскольку речевые произведения венценосных особ ограничены для свободного доступа. К тому же и сами монархи используют королевское *we* крайне редко. Его употребление ограничено различными условностями, относящимися к дворцовому этикету. Более доступными для наблюдения являются искусственное употребление королевского *we* в художественной литературе и кинематографе или различные курьезные случаи его использования. Так, в английской языковой культуре широко известна фраза *We are not amused*, которая в различных интерпретациях приписывается королеве Виктории как ответ на неудачную попытку придворных позабавить свою королеву³. Не менее известна и общественная критика в адрес бывшего премьера Великобритании Маргарет Тэтчер, которая в 1989 г. употребила королевское *we* по случаю рождения внука: *We have become a grandmother*⁴. Надо признать, что критика в адрес бывшего премьера Великобритании была справедливой. И содержание данного высказывания, и взаимодействие множественного местоимения с существительным в единственном числе (*grandmother*) свидетельствует о том, что английский премьер употребляла *we* в отношении лишь собственной персоны.

Употребление королевского *we*, как только что упоминалось, определяется условностями, следуя которым, венценосная особа не рассчитывает на какой-либо эффект или экспрессивность. Точно так же и в сознании каждого члена языкового коллектива его звучание в устах монарха представляется чем-то само собой разумеющимся. Все это дает основание рассматривать королевское *we* как нейтрализацию категории числа в пределах определенной сферы общения.

Иное дело – звучание данного местоимения в устах лица, не принадлежащего к венценосному клану. Именно это обстоятельство и вызвало общественное возмущение в английском обществе в случае с Маргарет Тэтчер. Здесь явно имела место интенция говорящего на определенную экспрессию. А местоимение *we* оказалось в необычных условиях для его употребления. Употребление *we* в данной ситуации удовлетворяет по крайней мере двум условиям, охарактеризованным М. Я. Блохом как определяющим *транспозицию* [11, с. 93–96]. Аналогичный случай описывается в книге Дж. Стьюарда. Хилари Клинтон, выражая недовольство действиями журналиста, заглянувшего в ее бумаги, резко ответила: *I'm not going to have some reporters*

¹ England History. The Luddites and the Combination Acts. Режим доступа: <https://www.marxists.org/history/england/combination-laws/proclamation-1795.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

² Instrument of consent. 11.05.2018. Режим доступа: <https://www.royal.uk/instrument-consent> (дата обращения: 01.06.2018).

³ Royal "We" // TV Tropes. Режим доступа: <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/RoyalWe> (дата обращения: 12.04.2018).

⁴ Там же.

*pawing through our papers. We are the president*⁵. Разумеется, подобные свидетельства можно встретить нечасто, однако редки они потому, что становятся общим достоянием только в тех случаях, когда звучат из уст известных личностей. В действительности же обращение к королевскому *we* можно наблюдать и в обыденных ситуациях.

Итак, представляя собой восходящее замещение, королевское *we*, как было показано, может демонстрировать как нейтрализацию, так и транспозицию.

Другую разновидность сближения единственного и множественного числа местоимений можно наблюдать в использовании авторского *we*. Сфера его употребления ограничена научными текстами, где исследователь прибегает к местоимению множественного числа для обозначения собственного авторства. Эта традиция пришла в науку из трактатов прошлого, авторы которых таким образом апеллировали к читателю. Например, оборот *we have stated* по сути дела означает: *you and I, dear reader, have stated*. С развитием традиции множественное местоимение дополнялось новым содержанием. Сегодня, употребляя *we*, автор обозначает свою принадлежность к научному сообществу, занимающемуся данной проблемой. Кроме того, как утверждают авторы Лонгмановской грамматики, использование *we* в научном тексте есть средство, при помощи которого автор пытается отвлечь внимание читателя от собственной персоны, т. е. придать повествованию подобие безличного характера [25, р. 330]. В принципе, если это действительно так, лингвист не вправе говорить здесь об оппозиционной редукции вообще. Местоимение *we* в таком случае выступает в своих исконных функциях, т. е. либо в функции обозначения множественности, либо в функции неопределенно-личного местоимения. Между тем распространение авторского *we* сегодня настолько широко, что потенциальные его интерпретации теряются в многочисленных текстах, а само *we* воспринимается как условность, которую необходимо соблюдать, т. е. как нейтрализацию.

Имея различное содержание, авторское и королевское *we* сходны минимум в одном отношении. С намерением или без такового употребляющий местоимение множественного числа тем самым декларирует себя как члена сообщества, имеющего высокий социальный статус. Авторское *we* уподобляется королевскому. Возможно, поэтому опытные авторы зачастую отказываются от его употребления.

Следующая разновидность замещения в границах категории числа местоимений имеет название «покровительственное *we*». Его природа несколько отличается от сути замещения, к которому прибегают монархи и авторы научных работ. Эту особенность можно наблюдать при установлении доверительных отношений между взрослым и ребенком, между врачом и пациентом, между преподавателем и учащимся и т. д. В стремлении вызвать доверие

своего собеседника один из них использует местоимение *we* вместо *you*. Хрестоматийным является высказывание *And how are we feeling today?* Им подписана, например, известная карикатура Бернарда Партриджа, где Рузвельт, Сталин и Черчилль беседуют с мировым сообществом, представленным на карикатуре в образе больного⁶. Иногда покровительственное *we* используется для того, чтобы выразить легкий упрек говорящего в адрес своего собеседника: *We are trying to lie again, aren't we?* Разновидностью покровительственного *we* является его использование вместо *he, she, it* хозяином по отношению к своему питомцу или взрослым по отношению к маленькому ребенку: *Fancy, what a dress we are wearing!* Обе разновидности демонстрирует замещение не только по категории числа, но и по категории лица. Стилистически покровительственное *we*, безусловно, окрашено, однако интенция говорящего на стилистический эффект практически не выражена. В этой связи это явление можно квалифицировать как нейтрализацию.

Замещение по категории рода

Различия в роде местоимений являются отражением соответствующей категории в системе существительного, которая в свою очередь представляется в виде двухуровневой оппозиции. На верхнем уровне неличностные существительные стоят в оппозиции к личностным. Нижний уровень подразделяет личностные существительные на существительные мужского и женского рода [11, с. 54–55]. Соответственно, и местоимения образуют оппозицию верхнего (*it – he и she*) и нижнего (*he – she*) уровня.

Историческое развитие английского языка предопределило ряд условностей, которые нарушают логику использования гендерно маркированных местоимений с некоторыми группами существительных. В эти группы входят:

- 1) существительные, обозначающие морские и речные суда (*she* или *it*);
- 2) некоторые государства (*it* или *she*);
- 3) ребенка (*it* или *she / he*);
- 4) животных-питомцев (*it* или *she / he*).

Кроме того, местоимения *she* и *he* вступают в оппозицию друг к другу в стилистическом использовании при персонификации предметов, явлений и объектов природы, а также при аллегорическом изображении добра и зла, честности и коварства и т. п. Следует помнить, что все эти традиции формировались в различное время и имели под собой различные основания. К тому же различные традиции нередко вступают в противоречия друг с другом. Поэтому вопрос о том, какой тип замещения реализуется в том или ином случае, следует решать дифференцированно.

Остановимся сначала на первой группе. Местоимение *she* здесь явно доминирует над *it*, создавая ложные представления о принадлежности соответствующих существительных к женскому роду, о чем, например, свидетельствуют

⁵ Steward J. B. Blood sport: the president and his adversaries. Thorndike Press, 1997. P. 368.

⁶ Cartoon Big Three, 1945 by Granger. Режим доступа: <https://ru.pinterest.com/pin/462815299184590080/?lp=true> (дата обращения: 23.12.2017).

многочисленные блоги и форумы в социальных сетях. Между тем средний род подобных существительных подтверждается относительным *which*, которое никогда (даже при непосредственном контакте с *she*) не подменяется личностным *who*.

(3) *Nothing was to be seen of the strange steamboat which had caused the disaster, though I heard men saying that she would undoubtedly send boats to our assistance*⁷.

Представления о принадлежности слов данной группы к женскому роду опровергаются наличием ряда синонимов, в структуру которых входит элемент *man*, т. е. таких как *man-of-war*, *merchantman*, *the Flying Dutchman*. При этом взаимоотношения этих существительных с местоимениями не исключают использования *she* или *her*.

(4) *She might be an innocent merchantman, staying near a man-of-war for her own security...*⁸

Все эти алогизмы лишь подтверждают действие нейтрализации. Местоимение *she* полностью освобождается от его исконной функции.

Аналогичные рассуждения можно приводить и в отношении собственных имен, обозначающих государства. Тенденция к употреблению *she* или *her* выражена здесь не столь ярко, тем не менее она находит распространение. При этом дополнительная информация об объекте вводится при помощи неличностного *which*, даже если в тексте употребляются личностные *she* или *her*.

(5) *...and lastly a young officer had made a short speech about honour and duty, and England's need for her sons to step forward and volunteer to follow the drum*⁹.

(6) *There had been an Anglo-Portuguese treaty which still allowed Portugal to continue loading slaves in her own ports...*¹⁰

В отличие от первой группы, где *she* доминирует над *it* практически во всех регистрах, вторая группа отдает предпочтение *she* главным образом в текстах возвышенного стиля, где персонификация государства подчеркивает качества, сходные с материнскими. Восходящее замещение в подобных случаях тяготеет к транспозиции.

Третья группа слов, допускающая использование как личностных, так и неличностных местоимений в отношении своего референта, включает в себя несколько существительных, обозначающих ребенка (*infant*, *baby*, *child*). Выбор местоимения определяется здесь различными факторами. В их число входят:

- сфера общения, где употребляется соответствующее слово;
- возраст ребенка;

- статус говорящих по отношению к ребенку;
- наличие или отсутствие необходимости обозначить пол ребенка.

Появление *it*, например, с большой вероятностью ожидается в официальных регистрах в тех случаях, когда пол ребенка неизвестен автору текста, и в случаях, когда о ребенке говорят посторонние для него люди.

(7) *We gave him all the regular ones ... and added seven entirely original ones ... including a really quite likely story ... that a mere child could have believed without injuring itself, much*¹¹.

С другой стороны, близкие для ребенка люди вряд ли будут говорить о нем как о неличностном существе. Таким образом, и личностные, и неличностные местоимения, выступающие в качестве коррелята существительных данной группы, имеют достаточно широкое распространение. В этой связи, решая вопрос о статусе этих существительных, исследователь сталкивается с альтернативой. Он должен либо признать за ними какой-нибудь иной статус, либо обратиться к поиску свидетельств, которые бы склонили чашу весов к тому или иному варианту. Таким свидетельством вновь может послужить относительное местоимение. В отличие от слов, обозначающих суда и государства, взаимодействующими с *which*, слова, обозначающие ребенка, взаимодействуют с личностным *who*.

(8) *Occasionally, when there was some more than usually interesting inquest upon a parish child who had been overlooked in turning up a bedstead...*¹²

Это происходит даже в текстах, характеризующихся высокой степенью официальности, таких как медицинские описания или инструкции по уходу за ребенком.

(9) *After six months, the diet of an infant who is not breastfed should preferably continue to include a suitable breastmilk substitute...*¹³

Использование *who* говорит о том, что рассматриваемые существительные являются личностными, а использование *it* активизирует оппозиционную редукцию, вызываемую теми или иными условиями общения.

В четвертую группу гендерно проблематичных слов входят существительные, обозначающие животных, а также мифические или сверхъестественные существа. Своим взаимодействием с местоимениями эти существительные схожи со словами, обозначающими ребенка. На полярных регистрах своего употребления они заменяются либо местоимениями *it*, *its*, *itself* (сугубо официальные тексты), либо местоимениями *he* / *she*, *his* / *her*, *himself* / *herself* (неформальные регистры). Однако между этими

⁷ London J. The sea-wolf. N. Y.: Tor Classics, 1993. P. 9.

⁸ Kent A. Man of war (The Bolitho novels). N. Y.: McBooks Press, 2004. P. 206.

⁹ Там же. P. 108.

¹⁰ Там же. P. 72.

¹¹ Jerome J. K. Three men in a boat (to say nothing of the dog). Роман на англ. яз. 2-е. изд. М.: Менеджер, 1999. P. 228.

¹² Dickens Ch. Oliver Twist. Everyman's Library, 1992. P. 7.

¹³ Infant feeding in emergencies. Module 1 for Emergency Relief Staff (IBFAN, LINKAGES, UNICEF, WHO). 2001. P. 16. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/45f6cb1f2.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).

полюсами существуют различные сферы коммуникации, где можно наблюдать произвольное употребление всех названных местоимений. Специфической же чертой этой группы является иной характер взаимодействия с относительными местоимениями. В отличие от существительных *infant, child, baby*, которые взаимодействуют только с *who*, или в отличие от существительных *ship, vessel* и им подобных, которые взаимодействуют только с *which*, слова, обозначающие животных, взаимодействуют как с *who*, так и с *which*. К тому же и здесь можно наблюдать отсутствие грамматической логики во взаимодействии относительных местоимений, с одной стороны, и личных, притяжательных и возвратных – с другой.

(10) *Every member of the respectable coterie appeared plunged in his own reflections; not excepting the dog, who by a certain malicious licking of his lips seemed to be meditating an attack upon the legs of the first gentleman or lady...*¹⁴

(11) *A dog, which had lain concealed till now, ran backwards and forwards on the parapet with a dismal howl, and collecting himself for a spring, jumped for the dead man's shoulders*¹⁵.

(12) *I never met a dog who seemed more contented — more easy in its mind*¹⁶.

Отсутствие постоянства, а также алогизмы в употреблении местоимений для обозначения существительных данной группы позволяют рассматривать эти существительные как промежуточные между неличностными и личностными. В официальных регистрах они тяготеют к первым; в регистрах неофициальных обнаруживают свойства вторых. Если это действительно так, то разговоры об оппозиционной редукции в подобных случаях становятся несостоятельными: оппозиционного замещения как такового здесь просто не существует.

Отметим далее, что личностные местоимения часто поддерживают стилистический прием персонификации в художественном изображении объектов и явлений природы или абстрактных понятий.

(13) *Night's heart is full of pity for us: she cannot ease our aching; she takes our hand in hers, and the little world grows very small and very far away beneath us...*¹⁷

Благодаря олицетворению предложение получает экспрессивную окраску, и определенную роль в этом играют местоимения *she* и *hers*. Типом оппозиционного замещения является транспозиция.

Приводимые выше рассуждения представляют картину оппозиционного замещения на верхнем уровне оппозиции

рода. Замещение на нижнем уровне можно иллюстрировать нейтрализацией гендерных значений в тех случаях, когда личностное местоимение используется в качестве коррелята существительных общего рода, т. е. существительных, род которых выявляется из контекста или ситуации общения: *person, cousin, user* и т. п. В условиях, исключающих необходимость обозначения пола, эти существительные до недавних пор обозначались слабым членом оппозиции, т. е. местоимением *he*.

(14) *A German, comparing it with his own language (...) tells you that English has no grammar*¹⁸.

Сегодня же реформирование языка в угоду феминистским движениям требует использования оборота *he or she*.

Замещение по категории падежа

Категория падежа в системе личного местоимения английского языка представлена двучленной оппозицией *общий падеж – объектный падеж*. При этом слабому члену оппозиции, т. е. общему падежу, свойственны функции подлежащего и предикатива. Прочие позиции занимает объектный падеж. Между тем роли, которые языковая система распределяет между своими элементами, могут быть скорректированы коллективным языковым сознанием той или иной социальной группы. Именно это происходит в повседневном общении, где позиции общего падежа личных местоимений нередко заполняются местоимением в объектном падеже.

(15) *They'd know it was me. My mother always knows it's me*¹⁹.

(16) *Us stuck in harbour, while young Mister Napier is out there, showin' us all what to do!*²⁰

Несколько иной характер падежного замещения демонстрирует употребление относительного местоимения *who*. В отличие от личных местоимений, где в качестве замещающего выступает сильный член оппозиции (т. е. объектный падеж), относительные местоимения предлагают в качестве такового свой слабый член (т. е. именительный падеж).

(17) *Who? You're a friend of who?*²¹

(18) *So who do they get to take his place? – Me, that's who*²².

Отметим, что данное явление имеет весьма широкое распространение. Использование *who* вместо *whom* является практически повсеместным. Сфера употребления *whom* остается лишь за официальными языковыми регистрами: научная сфера, официальная коммуникация и т. п. Эту особенность важно учитывать в методике обучения

¹⁴ Dickens Ch. *Oliver Twist*... P. 109.

¹⁵ Там же. P. 390.

¹⁶ Jerome J. K. *Three men in a boat (to say nothing of the dog)*... P. 202.

¹⁷ Там же. P. 150.

¹⁸ Jerome J. K. *Three men on the bummel*. СПб.: КАРО, 2015. P. 116.

¹⁹ Salinger J. *The catcher in the rye*. Boston: Little, Brown and Company, 2011. P. 22.

²⁰ Kent A. *Man of war*... P. 253.

²¹ Salinger J. *The catcher in the rye*... P. 87.

²² Там же. P. 40.

английскому языку. Русский язык, например, не имеет данной тенденции, поэтому, испытывая интерференцию, российские студенты склонны использовать объектный падеж в любой позиции, которая в русском языке заполняется соответствующим относительным местоимением в одном из косвенных падежей.

Замещение внутри класса местоимений

Наиболее распространенный вид оппозиционной редукции внутри определенного класса местоимений выражается отношениями между указательными местоимениями *this* и *that*. Нормативные грамматики определяют их различия как указание на близкий или отдаленный референт. Между тем близость и отдаленность в пространственном, временном или ином измерении является относительным понятием. Вероятно, поэтому различия между данными местоимениями не воспринимаются как строгие. Это в свою очередь позволяет местоимению *that* активизировать замещающую функцию. Оно может соотноситься как с отдаленным, так и с близким референтом. Подробно редуцирующая активность *that* была рассмотрена в одной из наших предыдущих статей [26]. Здесь же приведем лишь примеры, где *that* замещает *this* в атрибутивном употреблении.

(19) *That stuff doesn't interest me too much right now*²³.

(20) *For that reason we weren't very mainstream*²⁴.

В целом местоимение *that* во всех своих функциях является гораздо более употребительным, чем *this*. Согласно статистике, приводимой авторами Лонгмановской грамматики, употребление *that* в повседневном общении превышает употребление *this* более чем в семь раз [25, p. 349]. Нужно отметить, что эти данные учитывают все возможные употребления *that*. Они включают *that* не только в качестве указательного местоимения, но и в качестве относительного местоимения или союза. Однако даже с учетом того, что функции *that* являются гораздо более многочисленными, чем функции *this*, его семикратное превосходство говорит и о его активности в нейтрализации оппозиции *this – that*. Разумеется, эту особенность можно рассматривать как одну из составляющих современного стиля общения, которая расходится с описаниями нормативных грамматик и которую необходимо учитывать в ходе обучения английскому языку.

Межклассовое замещение

Чрезвычайная активность местоимения *that* позволяет ему выходить и на межклассовый уровень оппозиционной редукции. Имеется в виду его способность заполнять позиции

местоимения *it* в различных функциях. Таковыми могут быть функции личного *it*, а также формального подлежащего или усилительного *it* в эмфатических конструкциях.

(21) *Oh, OK. A verbal warning, what does that mean?*²⁵

(22) *That would be nice to have one right now*²⁶.

(23) *That's what the tourists wanted to hear*²⁷.

Другая разновидность межклассового замещения проявляется в способности возвратного местоимения занимать позицию местоимения личного.

(24) *There were four of us – George, and William Samuel Harris, and myself, and Montmorency*²⁸.

(25) *It had seemed to amuse him, although Adam suspected Bethune was almost as much in the dark as himself*²⁹.

По сути дела, возвратное местоимение функционирует здесь так же, как и объектный падеж личного местоимения, если он занимает позицию подлежащего или предикатива. Особенно наглядным в этом смысле является следующее высказывание:

(26) *Who's with you? – Nobody. Me, myself and I*³⁰.

Сразу три местоимения в приводимом высказывании разделяют между собой одну и ту же позицию. При этом два из них – *me* и *myself* – употреблены в несвойственной им, с нормативной точки зрения, функции. Аналогичное построение можно наблюдать в названии песни исполнительницы Биби Рекса *Me, Myself and I*. Отметим, что использование возвратного местоимения вместо личного, как и объектного падежа вместо общего, если они задействованы по отдельности, представляет собой очевидные случаи нейтрализации. Говорящий не претендует на особую экспрессию и прибегает к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Однако их совместное функционирование связано с интенцией автора высказывания придать своим словам особое звучание. Так, в первом примере совместное использование *me, myself* и *I* выдает раздражение героя, а во втором примере (названии песни) – подчеркивает одиночество героини песни. Оппозиционное замещение в этих случаях тяготеет к своей второй разновидности – транспозиции.

Заключение

В первую очередь отметим, что настоящая статья не претендует на полноту охвата описываемого явления. Автор концентрировал свое внимание преимущественно на социально престижных сферах языкового употребления, которыми являются книжно-литературная и литературно-разговорная. Вне его интересов оставались такие регистры, как просторечие, диалектные формы, жаргоны, социально

²³ Там же. P. 43.

²⁴ Bowen J. A Street cat named Bob. London: Hodder and Stoughton, 2012. P. 80.

²⁵ Там же. P. 212.

²⁶ Там же. P. 215.

²⁷ Там же. P. 66.

²⁸ Jerome J. K. Three men in a boat (to say nothing of the dog)... P. 11.

²⁹ Kent A. Man of war... P. 47.

³⁰ Salinger J. The catcher in the rye... P. 190.

низкие сферы профессионального общения и т. д. Между тем именно в этих сферах контроль языковой системы над речевыми актами является в значительной степени ослабленным, и именно здесь языковое сознание коллектива находит альтернативу способам выражения, упорядоченным языковой логикой. Предопределенность подхода к отбору материала объясняется профессиональной деятельностью автора. Работая в сфере обучения иностранным языкам, автор находился под постоянным давлением общеизвестных принципов обучения. Именно поэтому языковые манифестации, оцениваемые как социально низкие, исключались из рассмотрения. Так или иначе, но обрисованная картина оппозиционной редукции в системе местоимения вкратце может быть охарактеризована следующим образом.

Как и другие части речи, местоимения английского языка способны принимать на себя функции, редуцирующие грамматические оппозиции внутри своей системы. Редукцию можно наблюдать практически в любой категории английского местоимения, а в отдельных случаях одна и та же форма местоимения выполняет замещающую функцию одновременно по двум оппозициям. Оппозиционное замещение в системе английского местоимения реализуется в обеих своих разновидностях: нейтрализации и транспозиции.

При этом и нейтрализация, и транспозиция могут иметь формы как восходящего, так и нисходящего замещения. Преимущественным типом оппозиционного замещения является нейтрализация. Так, восходящая нейтрализация наблюдается в использовании королевского и авторского *we*, в употреблении *she* для обозначения судов и государств, в замене общего падежа личных местоимений падежом объектным, личного местоимения – возвратным, местоимения близкой референции – местоимением отдаленной референции. Нисходящая нейтрализация отмечается в употреблении *it* для обозначения ребенка, в употреблении общего падежа относительного *who* в позиции падежа объектного. Что касается транспозиции, ее можно наблюдать в стилистическом использовании приема персонификации объектов и явлений природы или продуктов жизнедеятельности человека. В зависимости от условий коммуникации одна и та же манифестация может принимать вид как нейтрализации, так и транспозиции.

Большинство видов оппозиционного замещения обнаруживают свою активность лишь на определенных участках языкового употребления, которыми могут быть более высокие или более низкие в социальном отношении сферы коммуникации.

Литература

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
2. Хлебникова И. Б. Оппозиции в морфологии. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1969. 132 с.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
4. Schendels E. Deutsche Grammatik. М.: Высш. шк., 1979. 397 S.
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
6. Бузаров В. В., Бузарова М. Д. О нейтрализации на синтаксическом уровне // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 116–123.
7. Вейхман Г. А. Структурные модели разговорного английского языка. М.: Международные отношения, 1969. 222 с.
8. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1981. 175 с.
9. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.
10. Блох М. Я. Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории английского языка / отв. ред. М. Я. Блох. М.: МГПИ, 1973. С. 37–44.
11. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
12. Антропова Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 3. С. 49–55. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55
13. Петрова Е. И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 134–139. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10493
14. Новокрещенных Е. В., Харькова М. А. Нейтрализация гендера в современном английском языке // Множественность интерпретаций: верификация гуманитарного знания: мат-лы VII молодежной науч.-практ. конф. (Тюмень, 19 декабря 2018 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2019. С. 86–92.
15. Шастина Е. М., Якубова Д. Р. Проблема гендерной репрезентации в современном немецком языке (на примере обращений) // Филология и лингвистика в современном мире: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Москва, 20–23 июля 2018 г.) М.: Буки-Веди, 2018. С. 24–29.
16. Филиппова А. В. Нейтрализации гендера в языковой политике ФРГ и отражение этой тенденции в учебных пособиях по изучению немецкого языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 125–133. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-125-133

17. Шерстнёва Е. С. Нейтрализация маркированной лексики в контексте современных тенденций в литературной норме английского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 119–122.
18. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой – чужой» на уровне анекдотов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 254–263. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20
19. Петина С. С. Оппозиционное замещение в морфологии как объект изучения коммуникативно-парадигматической лингвистики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 1. С. 80–86.
20. Попова Е. И. Семантическая обусловленность переносного употребления временных форм русского глагола // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 2-3. С. 99–104.
21. Теренин А. В. Нейтрализация залоговых отношений в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1. С. 177–180. DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.39
22. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Транспозиция языковых единиц из финитных глаголов в разряд вводно-модальных слов с семантикой логической и / или эмоциональной оценки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3. С. 174–179.
23. Скачедубова Е. С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Русская речь. 2019. № 4. С. 21–29. DOI: 10.31857/S013161170005356-0
24. Пережогина Т. А. Оппозиции гласных фонем и их нейтрализация в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 1. С. 55–60. DOI: 10.15688/jvolsu.2015.1.6
25. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.
26. Теренин А. В. *That* и *this* в сопоставлении с *тот* и *этот* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 850–859. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859

original article

Oppositional Reduction within the System of English Pronoun

Alexander V. Terenin^{a, @, ID}^a Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Yelabuga

@ Tteerenin@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6212-1073>

Received 30.03.2020. Accepted 01.06.2020.

Abstract: The article focuses on the English pronoun and its ability to substitute its counterpart by this or that opposition. In linguistics, this phenomenon is referred to as oppositional reduction or oppositional substitution. Oppositional reduction is well-researched in the systems of noun and verb; however, it has but only cursory mentions in regard of the pronoun. It is this circumstance that encouraged the author to focus on the problem. Grounding his speculations by M. J. Blokh's ideas, the author dwells on several language phenomena that promote reduction in the oppositions within the categories of number, gender, and case, as well as various oppositions of the English pronoun. The research objective was to structure the available information on the problem, as well as to identify varieties of oppositional reduction in the system of the English pronoun. The article contains historical reference, the main provisions of the fundamental theory, and the scientific experience in solving various issues of oppositional reduction. The author dwells on research material and methods, focusing on the contextual analysis. The paper classified oppositional reduction, illustrating each type by examples from written sources of various genres.

Keywords: opposition, oppositional substitution, ascending substitution, descending substitution, neutralization, transposition

For citation: Terenin A. V. Oppositional Reduction within the System of English Pronoun. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 869–878. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-869-878>

References

1. Trubetskoi N. S. *Fundamentals of phonology*. Moscow: Aspekt-Press, 2000, 352. (In Russ.)
2. Khlebnikova I. B. *Oppositions in morphology*. Moscow: MOPI im. N. K. Krupskoi, 1969, 132. (In Russ.)
3. Bondarko A. V. *Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)*. Moscow: Prosveshchenie, 1971, 239. (In Russ.)
4. Schendels E. *Deutsche Grammatik*. Moscow: Vyssh. shk., 1979, 397.

5. Arnold I. V. *Stylistics of the modern English language*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 305. (In Russ.)
6. Buzarov V. V., Buzarova M. D. Neutralization on the syntactical level. *Voprosy iazykoznanii*, 1984, (4): 116–123. (In Russ.)
7. Veikhman G. A. *Patterns of spoken English*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1969, 222. (In Russ.)
8. Moskalskaya O. I. *Problems of consistent description of syntax*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1981, 175. (In Russ.)
9. Skrebnev Iu. M. *Theoretical outline of stylistics*. Gorkii, 1975, 175. (In Russ.)
10. Blokh M. Ia. The category of oppositional replacement. *Matters of the theory of English*, ed. Blokh M. Ia. Moscow: MGPI, 1973, 37–44. (In Russ.)
11. Blokh M. Ia. *Theoretical outline of English grammar*. Moscow: Vyssh. shk., 2002, 160. (In Russ.)
12. Antropova N. A. On gender-correct use of the German language. *Humanitarian Vector*, 2016, 11(3): 49–55. (In Russ.) DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55
13. Petrova E. I. Trends of feminization in modern German. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vtstnik*, 2019, (3): 134–139. (In Russ.) DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10493
14. Novokreshchennykh E. V., Kharkova M. A. Gender neutralization in modern English. Plurality of interpretations. *Verification of humanitarian knowledge: Proc. VII youth Sci.-Prac. Conf.*, Tyumen, December 19, 2018. Tyumen: TiumGU, 2019, 86–92. (In Russ.)
15. Shastina E. M., Yakubova D. R. The problem of gender presentation in modern German (direct Adress). *The problem of gender presentation in modern German (direct Adress): Proc. II Intern. Sci. Conf.*, Moscow, July 20–23, 2018. Moscow: Buki-Vedi, 2018, 24–29. (In Russ.)
16. Filippova A. V. Gender neutralization in the language policy of FRG and reflection of this trend in manuals for teaching German as a foreign language. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2015, (5): 125–133. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-125-133
17. Sherstnyova E. S. Neutralization of stylistically coloured words under modern trends within literary norm of the English language. *Vestnik of Kostroma State University*, 2015, 21(6): 119–122. (In Russ.)
18. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Emphasizing and neutralizing the opposition "friend or foe" at the level of jokes. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2017, (3): 254–263. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20
19. Petina S. S. The oppositional substitution in morphology as the research object in communicative paradigmatic linguistics. *Izvestiia Iuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2014, (1): 80–86. (In Russ.)
20. Popova E. I. Semantic conditioning of a metaphorical use of tense forms of the Russian verb. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2019, (2-3): 99–104. (In Russ.)
21. Terenin A. V. Neutralization of voice relations in the English language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (7-1): 177–180. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.39
22. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Transposition of linguistic units from finite verbs into the category of introductory-modal words with the semantics of logical and / or emotional evaluation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (7-3): 174–179. (In Russ.)
23. Skachedubova E. S. Irregularities of vowel neutralization in the modern Russian standard language. *Russian Speech*, 2019, (4): 21–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170005356-0
24. Perezhogina T. A. Oppositions of vowel phonemes and their neutralization in the modern Russian language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2015, (1): 55–60. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.6
25. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman grammar of spoken and written English*. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000, 1204.
26. Terenin A. V. "That" and "This" vs "Tot" and "Etot". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 850–859. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859